

ELIZA MAŁEK

WSP w Bydgoszczy

NIEZNANA REDAKCJA OPOWIEŚCI O ŚW. GRZEGORZU-PAPIEŻU

Średniowieczna legenda o św. Grzegorzu-papieżu, stanowiąca odpowiednik starogreckiego podania o Edypie, stała się podstawą wielu utworów literackich i ustnych opowieści ludowych na terenie całej Europy. Krótki wariant tej legendy znany był na Rusi już w wieku XVI. W większości zachowanych odpisów nosi ona tytuł Miesiąca marta w 12 dzień, powieść duszepolezna o życiu przypodobnego otca naszego Grigorija, papy rzymskiego lub Słowo o Grigorii, papie rzymskim, jako rodzitsia ot brata i siostry, błogosłowi otcze¹.

W drugiej połowie wieku XVII pojawił się na Rusi nowy, znacznie pełniejszy od wspomnianego wyżej, wariant hagiobiografii św. Grzegorza ciążący wyraźnie ku poetyce romansu awanturycznego, tj. Przykład o dziwnym zrzędzeniu Boskim i o poczęciu świętego Grzegorza wchodzący w skład przetłumaczonych z polskiego Historii rzymskich. Historia Grzegorza-papieża obfitująca w cały szereg zajmujących motywów /motyw podwójnego incestu, motyw głosu z nieba itp./, a jednocześnie ilustrująca znany chrześcijański dogmat o niezbadanych wyrokach boskich i niezmiernym miłosierdziu Opatrzności, zyskała sobie ogromną popularność wśród czytelników rosyjskich drugiej połowy XVII-XIX wieku. Przykład o dziwnym zrzędzeniu Boskim i o poczęciu świętego Grzegorza przepisywano wraz z całym zbiorem Historii rzymskich, ale jeszcze częściej ekscerpowano go z kodeksu i włączano do samodzielnie kompletowanych sylw².

Jak każdy popularny utwór, legenda o św. Grzegorzu stała

się niejako wspólną własnością ogółu czytelników, a to z kolei stwarzało niezwykle dogodne warunki do powstawania nowych opracowań wątku papieża-kazirodca. Takie opracowania redakcyjne Przykładu o dziwnym zrządzeniu Boskim zaczęły się pojawiać już pod koniec wieku XVII, a więc wkrótce po przełożeniu Historii rzymskich na język rosyjski. M. Gudziej odnalazł i opublikował aż cztery takie redakcje. Najstarsza z nich pt. Żytije i podwizi priepodobnago otca naszego papy starago Ri-ma Grigorija mnicha pochodząca z drugiej połowy wieku XVII odznacza się swoistym dokumentalizmem, za pomocą którego autor starał się zapewne uwiarygodnić opisywaną historię³. Redakcje następne, powstałe na początku wieku XVIII, to zbliżają Przykład o poczęciu świętego Grzegorza do popularnych romansów awanturniczo-przygodowych i kurtuazyjnych /por. odpis Cerkiewno-archeologicznego muzeum w Kijowie nr O.4.75/, to do ludowego eposu rosyjskiego /por. odpis Muzeum Historycznego w Moskwie, sygn. Sok. nr 15/, to przenoszą zachodnio-europejski wątek na grunt kultury prawosławnej czyniąc Grzegorza patriarchą moskiewskim /por. odpis Biblioteki im. W. Lenina w Moskwie, sygn. Tich. nr 361/⁴.

Z osiemnastego wieku pochodzi również Powiest' o Grigorii, diekapolitie palestinskom stanowiąca kolejną, dotychczas nie znaną redakcję przykładu o św. Grzegorzu. Zachowała się ona w dwóch późnych odpisach ze zbiorów Muzeum Historycznego w Moskwie /kolekcja byłego Archiwum Synodalnego nr 1427 z końca XVIII - pocz. XIX wieku⁵/ i ze zbiorów Instytutu Literatury Rosyjskiej w Leningradzie /kolekcja Smirnowa, nr 6 z początku wieku XIX/. W redakcji tej również obserwujemy dążenie do przecięcia więzów łączących ją z obcojęzycznym oryginałem poprzez eliminację wszystkiego, co świadczyłoby o katolickim rodowdzie legendy. Święty Grzegorz zostaje więc nie papieżem, lecz biskupem palestyńskim. Termin "dekapolit" poza tytułem nigdzie się już nie pojawia. Został on prawdopodobnie ukuty od greckiego Dekapolis, oznaczającego ligę zhellenizowanych miast w północnej Palestynie /I w. p.n.e. - III w. n.e./, żaden bowiem ze słowników języka rosyjskiego słowa takiego nie notuje.

Zmiany redakcyjne najbardziej widoczne są w tej części utworu, która opowiada o narodzinach przyszłego świętego i jego dziejach aż do chwili ożenku z własną matką, dalej opowieść toczy się podobnie jak w Przykładzie o dziwnym zrządzeniu Boskim, z tą tylko różnicą, że Grzegorz zostaje powołany na stanowisko biskupa palestyńskiego, a nie papieża. O ile więc w poprzednich redakcjach tylko sygnalizowano, że król Parkus umarł zostawiając córkę i syna, to tutaj czytamy, że w pewnej krainie był car pobożny i dobry, który żył ze swoją małżonką "wo strasie bożyi i po zakonu, jako że lepo jest byti christijanom". Ponieważ małżonkowie byli bezdzietni, zaczęli zanosić modły, aby Bóg obdarzył ich potomstwem. Bóg wysłuchał ich prośb i po pewnym czasie caryca powiła bliźnięta: chłopca i dziewczynkę. Car cieszył się ogromnie, urządził więc z tej okazji wielką ucztę i nadał dzieciom imiona: Kir-carewicz i Juliania-carówna. Dzieci rosły na chwałę Bożą, szczególnie Juliania, która odznaczała się wyjątkową urodą i mądrością. Po pewnym czasie rodzice umarli zostawiając carstwo dzieciom, które miały wtedy po 15 lat. Kir i Juliania żyli w miłości i szacunku aż do chwili, kiedy pozawidie wrag dobromu żytiju ich i ujazwi Kira-carewicza krasotoju siestry jego". Dalsze dzieje kazirodczego związku, wyprawa Kira do Ziemi Świętej, narodziny Grzegorza i jego cudowne przybycie do klasztoru przedstawiono zgodnie z redakcją Historii rzymskich. Kolejne istotniejsze zmiany fabularne obserwujemy w części traktującej o losach św. Grzegorza po opuszczeniu przez niego monasteru. Wędruje on do pewnego wielkiego miasta i przystaje na służbę do pewnego cara, który wysyła go na czele swoich wojsk przeciwko wrogom, a po zwycięstwie Grzegorza mianuje go swoim następcą. Po śmierci cara Grzegorz podbija wiele państw i postanawia się ożenić. Zbiera więc wojsko i pustosząc po drodze miasta dociera do Palestyny, żądając, aby Juliania została jego żoną. Pod presją Grzegorza i własnych poddanych królowna zgadza się w końcu na małżeństwo. /Jak widac, redaktor przypisał bohaterowi te czynności, które w redakcji Historii rzymskich wykonywał książę burgundzki./ Dalej fabuła rozwija się już zgodnie z pierwowzorem.

W omawianej redakcji legendy o św. Grzegorzu dostrzegamy

więc kolejną próbę przybliżenia wędrownego wątku do rodzimego kanonu lektur budujących. Służy temu zarówno przeniesienie akcji do krain, w których mieszkają "prawdziwi" chrześcijanie, jak i wprowadzenie tradycyjnych charakterystyk bohaterów i motywacji ich czynów /podkreślanie bogoboju Grzegorza i faktu, że zgrzeszył nieświadomie, uwypuklenie roli diabła jako inspiratora złych czynów itd./.

Niżej zamieszczamy tekst tej właśnie redakcji według opisu ze zbiorów Instytutu Literatury Rosyjskiej w Leningradzie, kol. Smirnowa nr 6, k. 239v-256. Pochodzi on z kodeksu zawierającego m. in. Opowieść o carze Dymitrze Rzymskim, Opowieść o carycy i lwicy, czyli krótką redakcję Historii o cesarzu Otonie, nowele z Wielkiego zwirowadła przykładów, słowa i pouczenia Bazylego Wielkiego, Jana Złotoustego i in., apokryfy, wypiski z Prologu i pateryków. Publikacja tekstu nieznannej wersji legendy o św. Grzegorzu-papieżu może posłużyć jako punkt wyjścia do dalszych badań nad dziejami tego wątku na gruncie rosyjskim.

Повесть еже Григории, декаполите палестиноском

В некоей палестинской стране во граде велице зело живяше царь велми благочестив и добродетелен зело. И живяше с супругою своею царицею во страхе божи и по закону, якоже лепо есть быти христианом. Печален же бысть царь, яко не имея у себя чад, и о том всегда бога просяше, дабы им дарова хотя единое детище для утешения в старости их.

Услыша бог молитву их, и по некоем времени породил царица двух близнецов: одинаго мужеска полу, другаго - женскаво. Царь же велми возрадовася о рождении // /л.240/ чад своих, и сотвориша царь велии зело, и нарекоша младенцам имена: мужеска полу - Кир царевич, а женска полу - Иулияния царевна. И начаша их воспитывати в добром наказании и страхе божи, и изучиша их книг божественаго писания. И дарова им бог остроту разума, а наипаче Иулияния царевна сияше красотою лица своего, бе бо зело лепозрачна, яко ни единая отроковица можаше ей в ле-

поте лица ея во всей стране той.

Родителие же их достигоша старости и отидоша в вечный покой, и оставиша царство чадом своим. Видяше же Кир царевич Иулияния царе // /л.240 об./вна кончину своих родителей, и с великою печалию и со слезами погребоша их с подобающею царскою честию, а сами остахася на родительском престоле имея от рождения своего по 15 лет. И тако живяше Кир царевич с сестрою своею Иулиянею царевною во страсе божи, и почиташе ю и любляше ея зело.

И по некоем времени позавиде враг доброму житию их и уязви Кира царевича красотю сестры его. И нача Кир царевич помышляти во уме своем, како бы склонити сестру свою на свое похотение. И по некоем времени вражиим наваждением впаде с сестрою своею в блуд и живяше с нею долгое вре// /л.241/ мя. И по некоем времени царевна Иулияния понесе во чреве младенца и обремене. Кир же царевич, видя, яко сестра его понесе чрево, и понял грех свой и убоися суда божия и опечалися велми, яко сотвори грех велии пред богом и посрами себе и сестру свою пред всеми. И нача помышляти, како бы оставити царство свое, и даде богу обещание, еже оставити мир и вся, яже в мире, и ити во святыи град Иерусалим, еже поклонитися гробу господню и прочим святым местам и просити у бога греху своему прощения.

И тако призва к себе тайно единого от боляр своих, мужа стара и добродетелна, и заповеда ему еже о сестре // /л. 241 об./ своей, дабы имел о ней старание доброе и егда приидет час ей родити, то да сохранил бы ю тайно. И тако вручи царство сестре своей, а сам изыде нощию тайно от царства своего и иде ко святому граду Иерусалиму, и не доиде до Иерусалима яко за тридесят поприщ и умре. Царевна же услыша о смерти брата своего, нача слезно плакати о смерти брата своего и о своем согрешении и нача царствовати после брата своего.

И егда прииде время родити царевны, тогда вышереченный той муж поим ю тайно в дом свой и приведе ю к своей матери. И тако роди тамо царевна младенца мужеска пола и нарекоша имя ему Григорий. // /л.242/ Царевна же Иулияния по рождении младенца повеле сотворити ковчежец мал и сотвори дску свинцовую и написа на ней тако: в сем ковчежеце положен младенец, имя ему Григорий,

иже рожден от сестры и от брата. И положи в ковчежец два мѣсца, один злата, а другой сребра, и написа на той же досце, иже аще куда сей ковчежец бог принесет, ко граду или ко обители, то да возмут ковчежец той и младенца сего и воспитает его, то злато отдаст отроку, егда придет в возраст, а сребро да возьмется на обитель или за вскормления отрока. И тако запечатле ковчежец и пусти в море со младенцем, а сама оста// /л.242 об./ся и нача молитися богу о гресе своем и о младенце.

И по некоем же времени божим изволением принесе ковчежец той ко обители некоей и тамо вынесе его на брег моря. Божим же изволением некий брат изиде на брег моря потреби ради монастырьския и узре на брегу моря ковчежец и хотя его взяти, но не возможе. И, шед, поведа игумену и братия обители той. Слышав же то игумен и братия, зело удивившася и недше на брег моря и обретоша ковчежец, яко же рече брат той. Игумен же приступив и взем ковчежец, несе во обитель. И егда отверзоша его и обретоша младенца // /л. 243/ жива и доску свинцову и два мѣсца, и велии ужасошася вкупе и удивившася. И егда отверзоша его и обретоша младенца // /л. 243/ жива и доску свинцову и два мѣсца, и велии ужасошася вкупе и удивившася. И егда прочтоша на досце написаное и вземше злато и сребро и начама воспитовати младенца. И наидоша ему кормителницу, жену добродетелну и честну, и даша ей злата довольно, дабы вскормила младенца до уреченаго времени. И тако жена та нача вскармлевати младенца того добре, и пребысть младенец той у жены той яко три лета, дондеже возмуха.

Потом же взем его игумен в обитель свою и нача его кормити и учити всякому благому делу. Отрок же бысть остроумен зело. // /л. 243 об./ И по седми летех нача его игумен обучати книг божественаго писания, отрок же Григории вскоре изучися божественному писанию, даде бо ему бог велии разум и силу великую и храбрость. Во едино же время отрок Григории по обычаю иноческому играше на улице с сверстники своими, и егда с коим отроком сплеташася, и всегда одолеваше их, аще и превосходяше его летами и возрастом, но и тех одолеваше и всячески оскорбляше всех. Отроки же ти приходаше ко игумену и жаловашася на Григория. Слышав же игумен таковая о Григории, нача на него сва-

ритися и часто поноваше его не// /л. 244/ подобными глаголи, яко незаконнорожденный и не ведаша своих родителей, а пакостя творит всякия другим сверстникам своим.

Блаженный же Григории слыша таковая от игумена своего и паде на ногу игумену и нача со слезами просити его, дабы поведал ему о его рождении и о отечестве и како незаконно рожден. Игумен же, слышав таковая от отрока своего и отрицашася поведати ему, глаголя, яко во гневехе таковое изрече, еже от смешения блуднаго рожден еси, но истинны не вем о роде и отечестве твоём. Григории же належаху игумену и стужаше ему, дабы поведал ему о его роде. Игумен // /л. 244 об./ же видя, яко не может утаити, и поим отрока Григории в тайное место и нача ему поведати сице глаголя: "О роде и отечестве, чадо, не вем, а токмо поведаю ти, яко обретохом тя на бреже моря в малом ковчезце и два мешца, един с златом, а други с серебром, и на верху дску обретохом свинцову, на ней же бе изображено, яке о тебе". И внесе игумен ковчезец и дску свинцову и показа оное отроку Григорию. Он же, егда узре дску и ковчезец и надпись, еже на дске, и испусти слезы и паде на ногу игумену, нача глаголати: "Отпусти мя, отче, из обители своея, яко недостойн есмь быти во святой обители // /л. 245/ вашей, яко грешен есмь. Сребро же возми на обитель, а злато отдаждь ми". Игумен же увещевая его, дабы ему не оставляти обители их, но Григории повсегда стужаше игумену, дабы отпустил его с миром и благословением, Игумен же видя, яко не хотяху отрок Григории более во обители их быти, и отпусти его с миром и благословением и отдаде ему ковчезец той и дску свинцову и злато. И тако отрок Григории поклонися игумену и всей братии и изыде из обители той и иде путем долгое время.

По некоем же времени Григории прииде в некий град великий во всей той стране, в нем же живяше // /л. 245 об./ царь весьма благочестив и добродетелен зело. Отрок же Григории прииде пред царя и моли его, дабы в войне /!/ его себе, и воздаде царю честь велию. Царь же видя отрока зело красна и добродородна и телом мужественна и храбра и прием его с радостью и учени его близ себе. Отрок же Григории пребываше у царя того, угождая ему и оказывая всем свое угождение, и вси его любяше и почи-

таше. Видев же царь отрока Григория, яко вся добре устроает, и поручает ему начальство над всеми вой своими и учини его яко единого от первых своих. И по времени некоем посла его царь с воинством противу враго // /л. 246/в в страну полес-тинскую. Григории же поиде противу супостат и победи их храбро и с великою победою возвратися к царю. Царь же, егда уведа о победе, еже над врагами, и зело возрадовася и срете его с честью и воздаде ему честь велию. И сотвори пир велии зело всем велмокам и поручи все правление царства своего Григорию, и вси воздаше ему честь велию.

По времени же некоем изнеможе царь той от старости и впаде в болезнь люту и созва всех велмож своих и бояр и пред всеми вручи царство свое отроку Григорию. И вси с радостию единогласно прияша его и обещахася быти во всяком // /л. 246 об./ повиновении храбрости его ради. Егда же царь умре, то Григории прием царство и нача царствовать добре и управлять людьми. И благодараше бога, яко не остави его, но токмо печален бысть зело, яко не знааше о отечестве своем и о родителях, и по вся дни плакася над скою и ковчезцем. И егда воцарися Григории, то покори многия земли под свою державу.

Егда же царь Григории воцарися на царстве своем добре и зря, яко вси окрестныя страны его боятся и повинуются вси ему, и восхоте женитися. И услыша, яко есть в великой Палестине царица девица зело прекрасна и едина царствует. И собра воинство свое // /л. 247/ велие и поиде в ту страну и опустошаше вси тии грады, иже их проходи. И достигше великаго града, идеже царствует Иулиания царица, яже бяше мати ему, он же сего не ведаше. И приступи к великому тому граду и належаше на град той и на люди и утесняше их, глаголя: "Слышах убо о лепоте лица вашей царицы и младости нет ея, яко млада и прекрасна зело. И не отиду, дондеже не посягнет за мя в супружество, и град вам разорю, а царицу вашу возму и нехотя". Слышавше же сие люди града того и вси велможи и старейшины и собрашася вси воедино и советоваше, како быти, дабы сохранити град свой и избавитися от врагов своих. И ведая бо, яко храбр есть и силен, еже належаше на них. И недше вси вкупе к царице своей и молиша ю, да посягнет за Григория и свободит свое царство от разорения.

Она же не токмо, еже бы посягнути, но ниже слышати хотяше о сем. Григории належаху крепче и прецаше им разорением града. Жители же видевше, яко не можно им от рати сей свободитися, и не смеяху с ним сразитися. Собравшеся паки вси и шедше к царице Иулинии и рекоша ей с молением: "Посягни, госпоже царице, за храбраго сего царя да не впадем в руже его, и избави град свой и царство от напрасных бед. Аще ли не послу// /л. 248/ маем нас, рабов своих, то сами поидем ко царю и отдадим град ему". Царевна же Иулиния слыша таковая глаголю от великих своих и убояся зело прецения их и соизволи прощению их. И тако посягну в супружество за храбраго Григория, не ведая того, яко сын ея есть, а она мати ему. И бысть во граде том радость велика зело, яко получила себе храбраго царя. И тако живяше Григории с царевною Иулинией долгое время.

Григории же по вся дни пред трапезою входяше в тайную свою клеть и велики плашаша //!// слезно над ковчезцем и доскою свинцовою. Царевна же Иулиния зря сие, яко супруг // /л. 248 об./ ея не вся дни входяше в клеть свою во время трапезы и тамо медляше, и нача примечати за супругом своим. И во едино время, егда Григории поиде по обычаю своему в клеть свою и нача слезно плакати, цесаревна же Иулиния поиде вслед мужа своего тайно и ста у дверей клетки той и слыша, како Григории плакася о своих гресех, и идеше, дондеже изыде из клетки. И егда изыде Григории от места своего, тогда царевна Иулиния срете его у дверей клетки и узре очи его в слезах и нача вопрошати его, глаголя: "Повеждь ми, господине мой царю благии, почто тако по вся дни твориши и во время трапезы входяши в сию клеть свою и // /л. 249/ горце плачеша. Повеждь ми истинну, и не отиду от тебе, дондеже не исповеси, яже о себе, и не утай ничтоже от супруга своего!" Видя же Григории, яко не можно более утатися, и поиди супругу своему в клеть и закла в клятвех, дабы никому не поведала во все время живота своего сего тайны, яже он хоцет ей открыти. Она же кляся ему в том пред иконою пресвятыи богородици и обещася тайно хранити все, еже он ей поведает. Потом царь Григории взем доску свою и ковчезец и показа царице своей и рече: "Сего ради плачу по вся дни, еже изображено на досце сей,

яко не вем о родителях своих и о отечестве. И сего ради // /л. 249 об./ по вся дни печален есмь".

Егда же узре царица Иулиания дску свинцову и ковчежец и написание на дске той и все то позна быти, яко сотвори. И уразу-
ме, яко Григории сын ей есть, а она ему мати. И возрыда горко
и паде на землю пред иконом Пресвятыя богородицы и возопи гла-
сом велиим зело и рече: "О что сие аз окаянная ныне сотворих,
яко всех убо превзыдох грешниц на сем свете, первее бо с едино-
утробным братом впадох в тяжкий и блудный грех, ныне же паки го-
рее перваго сотворих, яко обещание, еже дала пред богом, дабы
до самой кончины живота своего ни за кого не посягать // /л.
250 / замуж ныне нарушила и посягнула в супружество за роднаго
своего сына. Увы мне, что сотворих окаянная, яко вторично учи-
них кровосмешение, еже посягнух за сына своего". Григории же
видя таковое супруги своея дело, нача ея молити, да поведает
ему, что се есть. Она же воста от земли и с людскими слезами
все, яже о себе и о ковчежце том и о дске, яко она все то со-
сотвори. "И породя я тебе от брата своего Кира царевича. Он же
оставя царство и поиде ко святому граду Иерусалиму гробу гос-
подню поклонитися и прочим святым местам и просити грехом сво-
им прощение, но не дойде яко за тридесять поприць // /л. 250
об./ до святаго града Иерусалима и умре. Аз же единая по смер-
ти его остаю царствовать и родих младенца и сотворих ковче-
жец мал и дску свинцову и написа на ней, яже о младенце, и по-
ложих два мешца, един со златом, а другой с серебром. И се ныне
познах дску и ковчежец и познах грех свой, яко ты ми сын есть,
но не ведая сначала сего и посягнух за тя в супружество и все
поведаю ти истинну".

Егда же сие слышав Григории, то пад на землю со слезами и
возопи велии глаголя: "Что се сотворих аз окаянная, яко в не-
ведении содеях таковый тяжкий грех, еже сочетася супружеством
с матерью своею. Увы мне, что // /л. 251 / сотворих!" И рече цари-
це своей матери; "Прости мя, мати моя, яко в неведении сие со-
творих". И тако, взем ковчежец и дску свою, царь Григории и
оставя царство свое и отиде тайно ношю никому же поведа о сем.

И иде путем долгое время и прииде на брег моря и обрете
тамо полату зело високу и пусту и едины токмо двери южде и

скважину или оконце едино и мало токмо руже человеческой проити. И тамо божним изволением обрете человека рыбы ловяща и умоли его, дабы запер и утвердил его в той полате, ключи же дабы ввергнул в море и никому бы не поведал, яко о нем, дондеже господь явит // /л. 251 об./ и дабы ему хотя чрез един день и то в вечер приноси мало хлеба и воды. И закла его именем господним, дабы ничтоже кому поведал. Рыбарь же даде клятвенное ему обещание, еже бы не поведал кому. И тако заключи двери в той полате, а ключи въверже в море.

По времени же том, егда отиде Григории от царства своего, тогда царица Нулиания такожде остави царство свое и поиде в девической монастырь и заключи себе во едином малом келии и нача господу богу со слезами каятия о гресе своем. И тако пребы долгое время в покаянии, никому же от них ведущу, кроме единого бога, сотворшаго вся. // /л. 252/

Божним же изволением, егда преставися во граде том, идеже родилася Григории и Улиания. епископ, то людие града того собравшися в великую церковь и начаша прилежно и со слезами молитися господу богу, дабы показал им пастыря доброго словесному своему стаду, и тако долгое время творяше молебное прошение, дабы им улучшить того, его же сам изберет. И во едину ноч творяше всенощное бдение и о сем бога просяше, и услыша бог молитву их. И по окончании всенощного пения разыдохася вси в дома своя, и се единому стару добродетелну мужу оставшуся в церкви и прилежну творяше молитву о сем, еже бы господь // /л. 252 об./ показал им доброго пастыря. И по молитве воздремася и слыша глас глаголющъ: "Востани и ижд поведай клиру и всем людем, яко да поймут священный собор и весь клир церковный и иду на брег моря далече. И тамо обрящете полату зело велику и високу и цусту и ввержете в море мрежу и уловите рыбу и во чреве ея обрящете ключи от той полаты, и отверзете ю и тамо обрящете человека, имя ему Григории, иже 12 лет в той полате пребываше и самовольне себе в той заключи и ключи повеле вергнуть в море, и того имеете себе пастыря и учителя, том бо унасет люди моя". Муж же том воспрянув от сна и, скоро ижд, поведа // /л. 253/ священному собору и всем людем, яко яви ему бог.

Слышавше же сие собор и вси людие, зело возрадовашася, яко не презре моления их и показа им своего угодника. И тако поимше весь освященный собор со свещи и кадилы и по гласу мужа того поидоша на берег моря. И шедше долгое время по берегу моря и узреша издалуче полату, зело возрадовашеся и спешно к ней поидоша. И егда достигоша того места, идеже блаженный Григорий пребываше, и божим изволением обретоша тамо того же рыбака, иже заключи Григория в полате той и ключи вверже в море. И умолиша его ввергнуть в море мрежу, и он вверже мрежу // /л. 253 об./ свою в море, и уловиша рыбу велию зело. И обретоша во чреве ея ключи от той полаты и отверзоша ю и узрешше мужа сединами украшена и власы обросша и, преклонша /!/ колена, молящася со слезами. И возжегше свещи велии и внидоша внутрь полаты и, падше, поклонившася ему и молиша его да примет престол паствы архиерейския и да будет им пастырь и наставник их на путь спасения, яко же яви им господь яко о нем.

Блаженный же Григорий, видя освященный собор и множество народа по него пришедша, пад на землю вопиаше: "Простите ми, отцы святии и братия, яко грешен есмь и несмы достоин, еже возрети на светлыя ли// /л. 254/ца ваши. Оставьте мя zde, еже о гресех своих бога молити и просити грехам своим прощения". Людие же вси воззопиша и единогласно рекоша: "Ни, отче святый, не отрекайся от того, еже сам господь бог избра и повеле нам, еже возвести тя на святителскую степень. И аще отречешися и преслушаеши повеление и волю господню, то горшии гнев божи на ся воздвигнешь. Ни, отче, не остави нас сирых и буди нам пастырь и отец духовным чадам своим. Аще же не восхощеши волю, то мы и нуждеи тя отселе поимем".

Слышав же сие блаженный Григорий и сам прия напред их пришествия откровение от бога, еже бы не // /л. 254 об./ противитися прошению пришедшим по него, но смиренна ради не хотяше изъяти от места того и прияти степень высокого достоинства. Обаче видя в народе слезы велии и моление их и изыде к ним из полаты той и поклонися всем до земли. Людие же, егда узрешше блаженнаго Григория, вси единодушно возрадовашеся и, падше, поклонившася ему до земли и ведоша его во град с великою честью со псалмы и пении и со свещами и с кадильми. И егда приидоша ко

граду, то жители града того вси изидоша в сретение блаженному и вси радующеся и веселящеся, яко дарова им бог пастыря добраго. И введоша его в великую церковь и возведша его⁶ по степеням на святительский престол. // /л.255/ Блаженный же Григорий со смиреннем прии кормиле великия церкви и нача правити порученное ему от бога стадо и поучати людей страху и закону божию. Сам же всегда пребываше в пощении и молитве и страхе божию.

Егда же царица Иулиания услыша, яко во граде их новый и добродетельный наста епископ, не от народа бо, но от бога избран, вед и исповеда ему вся грехи своя. Егда же блаженный Григорий слыша от нея таковая и велики восплакася и паде пред нею на землю и рече: "Прости мя, мати моя, яко согреших пред богом и пред тобою, яко аз есмь сын твой и супруг, еже бранию и насилем понуди тя за мя посягнути. Но // /л.255 об./ милостивый бог молитв ради святых твоих избра мя пастырем словесных овец своих". Егда же слыша блаженная Иулиания таковая словеса от архиерея божия, то ужасея зело и устыдися, яко пакы прииде к сыну и мужу своему исповедати грехи своя, и паде на землю со слезами глаголя: "Прости мя, владыко святый, яко согреших пред богом и пред человеком, и не повеждь о сем никому же, дондеже сам господь явит о мне". И Григорий такожде моляше мать свою, дабы и она никому о том не поведала до скончания живота своего. И тако благослови и отпусти с миром от себя, сам же остана на престоле своем, принося // /л. 256/ безкровныя жертвы богу за свою паству и за весь мир и поучая стадо свое вере Христове, слава бога в тройце единого, отца и сына и святого духа ныне и присно и во веки веком аминь.

Przypisy

- ¹ W. Pierietc, który opublikował tekst tego wariantu legendy o św. Grzegorzu, uważał go wprawdzie za skróconą wersję Przykładu o dziwnym zrzędzeniu Boskim i o poczęciu świętego Grzegorza z Historii rzymskich, ale fakt, iż istnieją odpisy znacznie wcześniejsze od pojawienia się przekładu Gestów, zupełny brak jakichkolwiek śladów polskiego pochodzenia tekstu oraz istotne rozbieżności fabularne nie pozwalają przyjąć tej tezy. Por. jego artykuł Iz istorii starinnoj russkoj powiesti, "Uniwersitietekije Izwiestija", Kijów 1907, nr 9, s. 49-52
- ² Por. choćby dane bibliografii beletrystyki staroruskiej: Driewnierusskaja powiest', cz. I, sostawiteli W.P. Adria-nowa-Pierietc i W.F. Pokrowskaja, Moskwa-Leningrad 1940, s. 166-170 i A.A. Nazariewskij, Bibliografija driewnierus-skoj powiesti, Moskwa-Leningra 1955, s. 88-92
- ³ Zob. N.K. Gudzij, K istorii legiendy o papie Grigorii, "Izwiestija Otdielenija Russkogo Jazyka i Słowiesnosti", t. XIX, ks. 4, 1914, s. 217-256
- ⁴ Teksty wszystkich trzech redakcji z początku wieku XVIII wraz z komentarzem można znaleźć w innej pracy M. Gudzija Nowyje riedakcyi powiesti o papie Grigorii, "Trudy Otdieła Driewnierusskoj Litieratury", t. XV, Moskwa-Leningrad 1958, s. 177-192
- ⁵ Odpis ten znany mi jest tylko z pracy A. Nikolskiego Opi-sanije rukopisiej Archiwa Sinoda, t. II, Moskwa 1895, s. 219
- ⁶ Słowa "w wielikuju cerkow' i wozwiedosza jego" dopisano na marginesie

НОВАЯ РЕДАКЦИЯ ПОВЕСТИ О ПАПЕ ГРИГОРИИ

Резюме

В настоящей статье автор знакомит читателей с новой редакцией легенды о папе Григории, возникшей на основе одной из новелл, переведенных во второй половине XVII века с польского "Историй римских". В приложении печатается текст новой редакции легенды по списку Древлехранилища Института русской литературы в Ленинграде.